Незавидные истории

Автор:
Андрей Но

Незавидные истории

Андрей Но

Линзы со встроенным искусственным интеллектом больше не выдумка. Теперь не будет ошибок в поведении, неловких ситуаций, люди научились лучше друг друга понимать, а преступность стала прогнозируема. Правда, по-прежнему немало тех, кто наотрез отказывается их носить. Террористы, которым есть что скрывать? Или же им известно о линзах нечто такое, чего не рассказывают в рекламе?

Приговоренный к смерти Лекс завещал свое тело научно-экспериментальному проекту «Затерянный пляж», что претендует на рынок цифровых развлекательных услуг для взрослых.

Сдается замечательная квартира, совсем недорого. Цена сильно ниже рынка… В чем же причина? Возможно, в ее хозяине!

Читайте! Размышляйте! Как всегда вас ждут неожиданные повороты сюжета и незабываемый финал во всех трех историях!

Андрей Но

Незавидные истории

Сборник

Костыль для аутиста

1. Эмпатиор

– Значит, если собеседник при констатации пониженного уровня серотонина, дофамина и ацетилхолина, выраженных через анализ Musculus orbicularis oculi и дилататор зрачка, при напряжении Musculus procerus свыше 140 % от среднестатистического и ослаблении Musculus Risorius по отношению к ее антагонисту, ссылается на дождливую погоду, твой патч предлагает совершенно риторический вопрос «Тебе не хватает солнца?», так?

– Да, но вы читайте дальше…

– Если собеседник ответит «да» или выразит согласие невербально согласно «Общеустановленным признакам невербального согласия по версии Эмпатиора 1.7», или использует сарказм, так или иначе подтверждающий ожидаемый ответ на риторический вопрос, то система предложит пользователю реплику «Как насчет бутылочки Санспри? Sun. Солнце. Ну ты понял, ха-ха».

– Но ведь у нас часто дождливая погода…

Мэрилин Словакич, старший менеджер по маркетингу, отложил планшет с презентацией патча и медленно потер глаза. Основной источник для считывания информации был перекрыт его волосатой пятерней, поэтому Эмпатиор Терри, что в ожидании замер перед менеджером, мог полагаться только на идеомоторику и позу собеседника.

Но даже согласно самым ранним, сырым «Общеустановленным признакам для интерпретации психологического состояния собеседника по версии Эмпатиора 1.0 с исключительными правами на интеллектуальную собственность Д. Стила» на интерфейсе в глазах Терри высветились предупреждения о скрытом и быстро нарастающем гневе его начальника.

– Знаешь, – мягко начал Мэрилин, – мне интересно, как ты еще здесь работаешь?

Эти слова хоть и не были неожиданными, тем не менее от них Терри бросило в жар.

– Нет, мне действительно интересно, как? Ты же элементарного не понимаешь, – Мэрилин указал на презентацию Терри. – Что это вообще за хрень? Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас тебя с позором выгнал? Это имплантированный искусственный интеллект, мать твою… А не желтая пресса!.. Какое самое главное правило рекламы, а?

– Реклама не должна быть похожа на рекламу, – пробубнил Терри.

– Иначе ее будут игнорировать, – вторил Мэрилин. – Ты напрямую предлагаешь пользователю выпить эту сраную газировку, даже не удосужившись аргументировать, что это якобы полезно или уместно для данной ситуации… Это старые и ныне недейственные приемы, и даже их ты не использовал. Ты сам бы воспользовался своим советом, а? Как насчет бутылочки Санспри, мать твою?

– Я уже не знаю что придумать, – устало оправдывался Терри. – Все знают про эту Санспри, столько рекламы с ней на каждом углу… Мы занимаемся спамом…

– Я не понял, ты у нас аналитик рекламы? – завелся Словакич. – Заказ поступил – делай. И делай красиво. Повторяю для олигофренов, реклама должна быть скрытой, как твоя одна-единственная извилина, за которую тебя сюда каким-то чудом взяли, это раз. Реклама должна закрепляться только приятными ассоциациями, два. Рождество, деньги, отпуск, солнце, женщины…

– Так я же связал свою с солнцем…

– Не настолько прямолинейно, идиот!..

– А как? – оскорбленно воскликнул Терри.

– Встань, подойди ко мне ближе, – рявкнул Мэрилин. Терри с опаской приблизился к нему.

– Ближе, не бойся!

Почти весь зрительный обзор Терри заполонило раскрасневшееся от гнева лицо старшего менеджера. Интерфейс рябил от непрерывно меняющихся значений в виде графиков, диафрагм, процентов и рекомендаций в разговоре с ним.

– Смотри в глаза!

Терри нашел в себе силы сцепиться с ним взглядом. Он был не в том настроении, чтобы вчитываться в пляшущую информацию на периферии, но одно слово царапнуло его чем-то знакомым…

– PD 63 миллиметра, радужная оболочка цвета Санспри… – пролепетал Терри вслух.

– Да! – крикнул Словакич. – Именно! Ты же знаешь как женщины или еще какие художники любят дифференцировать цветовую палитру на звучные названия. Они же не говорят «Дайте мне платье цвета 4b0082», они скажут «Можно мне то платье цвета индиго?». Или цвета античной латуни. Да-да, такой есть. И введение такого промежутка цветовой палитры, как цвет Санспри, выглядит уже не как реклама, а как способ облегчить обозначение коричневого оттенка названием известного всем напитка. Не карие глаза, а цвета Санспри, понял? При виде красивой кареглазой девушки, ты не сможешь отдать себе отчет, почему вдруг захочешь хлебнуть бутылочку Санспри. Теперь ты чувствуешь уровень? Вот она, настоящая, незаметная, но влиятельная реклама. А твою чушь я даже видеть больше не хочу… Если не придумаешь ничего внятного в течение двух дней, я заведу разговор с нашим начальником о целесообразности твоего дальнейшего здесь пребывания.

?

Терри Абботт был разработчиком рекламы низшего звена в монопольной корпорации Эмпатиор, и занимался тем, что пытался внедрить рекламу известных брендов в рекомендации ИИ Эмпатиора при анализе собеседника. И если бы вы спросили Терри, а что это вообще за штука такая, этот Эмпатиор, то он, как и следует добросовестному сотруднику этой корпорации, заученным языком устроит вам мини-презентацию данного продукта и объяснит, почему его

непременно стоит брать.

Плюсы:

– восприятие другого человека/собеседника усилено ИИ, анализ на примере двенадцати миллионов изображений мимики и идеомоторики человека;

– на основе анализа ИИ предлагает вам в виде эффектов дополненной реальности оптимальные варианты поведения с конкретным человеком и даже наиболее уместные для него фразы, темы для разговора;

– при разговоре с другим пользователем(!) в правом верхнем углу возникает изображение того, что видит пользователь напротив Вас, то есть изображение вас самих. Это помогает Вам контролировать не только оптимальную речь и поведение, но и мимику;

– благодаря мгновенному анализу, вы сразу распознаете к себе скрытую симпатию или же затаенную неприязнь и даже потенциальную опасность, чего бы вы могли упустить при обычных обстоятельствах;

– уровень спонтанной преступности и социального мошенничества понизился практически до нуля.

Устройство представляет собой линзы, что имплантируются специалистом в роговицу глаз. Утром и вечером необходимо закапывать глаза специальным дезинфицирующим раствором, а на ночь надевать очки для сна, что заряжают устройство для следующего дня. Ежемесячно необходим техосмотр и обновление версии. Пытаться извлечь из глаз устройство самостоятельно опасно для зрения и строго запрещено.

Но если вам удастся разговорить Терри за парой стаканчиков у барной стойки, и он в полной мере убедится, что ваши мозги еще не до конца промыты, как у большинства, он поведает вам уже не в официально-торжественном формате о недостатках этого устройства, о которых на федеральных каналах принято молчать.

Минусы:

– нарушение права на неприкосновенность личной жизни из-за функции сохранения увиденного пользователем в огромной сетевой базе, что может быть просмотрено при надобности министерством внутренних дел;

– скрытая и не очень реклама, проскальзывающая в советах ИИ при анализе другого человека (то, на чем как раз и специализировался Терри);

– регулярные попытки террористических актов с целью свержения действующего режима. Для борьбы с ними было основано спецподразделение – предвосхитители.

Чтобы вы понимали, предвосхитители и были тем самым спецподразделением, что нарушало права на неприкосновенность личной жизни. Так что это еще было хорошим вопросом, кто же кого породил на самом деле – террористы или предвосхитители.

Если кто-то из носящих эти линзы становился свидетелем потенциально опасной идеомоторики и мимики, сигнал и его геоданные тут же регистрировались в сети и на него съезжались предвосхитители, что начинали следить за потенциальным нарушителем. Им было дано просматривать историю увиденного за последние два дня у каждого пользователя, на кого они посмотрят и запросят у закрытой сети данные, поэтому многие при виде них как бы невзначай разворачивали обратно. И не потому, что им было что скрывать. Просто это так неприятно, когда подробности твоей личной жизни бегло и бесцеремонно рассматривает какой-то незнакомый человек. Но многие уже привыкли. Ценой этому стало почти безопасное общество. Почти, потому что оставались те, кто был радикально против этого устройства. И против тех, кто его носит и тем самым поддерживает спрос.

А ведь начиналось все довольно безобидно – с гаджета для реабилитации общества после повальной эпидемии вируса Галлетта, что разрушал зеркальные нейроны высших млекопитающих.

Но, к счастью, вирус постепенно изжил себя, и, что самое главное, последствия заболевания не передавались по наследству. Мир оклемался, новое поколение начало заботиться о старом, и больше остальных в этом преуспел некий Д. Стил, что изобрел первый Эмпатиор. А потом что-то пошло не так.

Технология, предназначенная для больных, начала делать больными совершенно здоровых. Не то чтобы в этом скрывался великий заговор, а скорее обычная человеческая лень. Зачем думать самостоятельно, когда за тебя это безошибочно сделает ИИ… На новую моду среди молодежи стали заглядываться бренды, монополисты мировой экономики, они пустили в технологию щупальца со своей чертовой рекламой, а там и само правительство под шумок подъехало с новыми конституционными поправками в законе.

И что мы по итогу имеем? Технология уже настолько повсеместна, что ее ношение стало признаком цивилизованности. Те, кто не желают ей пользоваться в силу разных обстоятельств (в основном из-за нарушения неприкосновенности личной жизни) живут на окраинах, так как, мягко говоря, не приветствуются в светском обществе, а порой и подвергаются травле, так как нечитаемый человек – потенциально опасный.

Травля вызвала ответную реакцию – терроризм. Среди не использующих устройство появлялись активисты, что хотели разрушить корпорацию Эмпатиор, а заодно убивать тех, кто пользуется ее услугами.

Напряжение между двумя фракциями общества выросло до того, что в городах обычных людей стали штрафовать просто за то, что они не оснащены Эмпатиором. Их прилюдно оштрафовывали и тут же депортировали под наблюдением предвосхитителей обратно на окраины.

Окраины городов практически перестали финансироваться государством, так как население там было признано безнадежным и погрязшим в беззаконии. Жители окраин не могли официально трудоустроиться и потому промышляли садоводством, охотой и, конечно же, набегами на города. Многие из них не могли вытерпеть такую жизнь и соглашались на добровольное внедрение Эмпатиора и перед ними тут же раскрывались двери городов, они становились полноценными гражданами.

Жизнь нового пользователя налаживалась, разве что переставала быть частной. Пользователь ИИ Эмпатиора неизбежно глупел от невозможности думать без советов и становился искушенным потребителем всех навязываемых ему брендов.

В принципе, Терри спокойно относился к мысли, что его личная жизнь, как и у всех, под наблюдением спецслужб прямо через его глаза. Но ему не давало покоя другое. Он все чаще ловил себя на том, что ему не хватает настоящего, живого общения. Советы несовершенного ИИ раздражали и нередко подводили его в тонкостях разговора с другими. И даже если он игнорировал ИИ, в этом не всегда видели смысл его собеседники. Разговоры были пустые, шаблонные, люди говорили не то, что думают, а только то, что якобы желал слышать собеседник, исходя из анализа ИИ. А еще Терри чертовски устал от навязываемой рекламы, которую он распознавал лучше других – ведь он сам с ней работал.

– А чего это ты такой смурной?

Терри оторвался от мрачных дум и поднял глаза на полноватого, но веселого курчавого паренька в холле.

– Смурной? – переспросил Терри. – Гм, такого слова нет в оценочной системе интерфейса. Сам придумал?

– Конечно сам, – расплылся в улыбке толстяк. Улыбка его была живой, заразительной. Свободной, даже по меркам внимательного ИИ от примесей других, циничных эмоций. – Я и без линз на тебя смотрю, и сразу на ум это слово приходит.

– Вот за что и люблю тебя, Сэм. Своим умом думаешь, а не искусственным.

Друг Терри, Сэм Барановски, работал в отделе закрытой сети данных. Рутинная должность заключалась в просмотре быта какого-то очередного подозреваемого через его же глаза. Только поначалу эта работа могла бы показаться интересной, но она очень быстро надоедала своим однообразием. Несмотря на то, что просматриваемые были не случайно выбранные люди, а подозреваемые в нарушениях или готовящиеся к ним, преступления выявлялись редко. Но Сэм относился к своей работе иронично, особенно любил, как он выражался, «ловить лулзы» со сцен самоудовлетворения, но обратной стороной медали такого развлечения стала паранойя, что кто-то посмеивается над ним в минуты рукоблудства точно так же. Не помогала Сэму даже реклама ламп «…приглушенного неонового света, работающих на особой частоте, не воспринимаемой фильтрами Эмпатиора, но беспрепятственно проникающими на

сетчатку глаза, что создает по-настоящему интимную обстановку. Скажи „НЕТ“ сующим не в свое дело нос спецслужбам». Ведь Сэм и весь его отдел закрытой сети данных знали, что это маркетинговый трюк от гиганта LED-продукции, что сыграл на блуждающей в массах фобии, собрав с людей урожай денег, дав взамен иллюзию на право неприкосновенности личной жизни, которого у всех нас уже давно нет.

С другой стороны, такая лампа еще и провоцировала на запрещенный акт потенциального преступника, так что не удивительно, что ее «эффективность» против линз не пытались официально оспорить производители Эмпатиора.

А еще у Сэма был заработок на стороне. Пользуясь своим карьерным положением, он сдружился с каким-то кибермошенником, что шантажировал сколько-нибудь известных дамочек видеозаписями их похождений, вымогая у них деньги, а иногда и короткий взгляд на CVV2 код на карточке одного из их богатых ухажеров. Естественно, в доле приходилось держать далеко не одного сотрудника безопасности хранилища данных, да и не все из них были готовы каждый раз подставляться. Так что выручка была совсем смешной, зато нервов тратилось при внутренних расследованиях прилично.

Сам Сэм объяснял свою причастность к этой неблагородной деятельности по-философски, мол, куда лучше, если деньги распределятся между ребятами, стоящими на страже безопасности общества, чем потратятся на очередное потребительское фуфло от ведущих брендов. Себя он к таким потребителям само собой не относил.

«Мне много не надо», – говорил он, покупая огромный плазменный телевизор на всю стену от топового бренда «Дакота».

Но, несмотря на этот замеченный Терри, но не ИИ, проблеск лицемерия у Сэма, несмотря на его плоские шутки и склонность к вуайеризму, Сэм был живым. Наполненным противоречиями, шутками и не стесняющимся неуместных эмоций живым человеком, что, на взгляд Терри, было сейчас большой редкостью. Это и было их дружеской скрепой.

– Как Ханна? – участливо поинтересовался толстяк.

В этот раз Терри действительно почувствовал себя смурным.

– Ну?

– Давай, Сэм… Докажи, что не машина… Сам прочти ответ на моем лице, – пробормотал Терри. Ханна была его младшей сестрой, все, что осталось от его семьи. Также она была одной из немногих бедолаг, чей иммунитет на вакцину от вируса среагировал сбоем, да таким, что сам вирус казался предпочтительнее.

Форма ее аутизма была столь тяжелой, что жизнь вне стационарного наблюдения казалась невозможной. Но для больных подобным ей существовал специализированный санаторий Реаникс, где разрабатывался индивидуальный ИИ, что давал надежду однажды выйти больным в мегаполис и почувствовать себя полноценными людьми.

Само собой, разработка индивидуального ИИ и уход за больным на уровне пяти звезд в Реаниксе были крайне дорогим удовольствием, которое не каждая семья могла себе позволить. Но существовал особый социальный пакет, как раз таки предоставляемый рекламной конторой Терри, в который была включена путевка в этот самый санаторий. Надо ли объяснять, почему Терри, так нетерпимо относящийся к рекламе, вопреки всему работал в ней.

Сэм был одним из немногих, кто знал всю ситуацию, поэтому никогда не скупился с ним на шутки и оптимистический настрой. Он работал в соседнем крыле здания, но каждый раз после работы, если график сильно не разнился, они дожидались друг друга в главном холле и шли в бар. Сегодня же они дождались друг друга только затем, чтобы пожелать себе удачи в предстоящих свиданиях.

В прошлый раз они познакомились в баре с девушками, коих Эмпатиор опознал как расположенных к знакомству на основе выявленных индивидуальных данных. Очень удобная штука, ведь даже такому, как Сэм, совершенно ненужно было бояться подходить к незнакомой девушке, при условии, что она заметила его внимание и при этом не испытала негативных впечатлений, которые незамедлительно бы считывались линзами толстяка. Таким образом, с ростом моды на эту технологию со временем практически не встречалось неловких ситуаций, парочки находили друг друга молча и безошибочно.

Девушка Сэма была очень худой брюнеткой с грустными глазами бассет-хаунда. Вероятно, в ее жизни очень не хватало смеха, чего было не занимать у Сэма. Сам

же Сэм выбрал ее просто потому, что она была единственной, кто испытала при виде него хоть какое-то любопытство.

Девушка Терри же была высокой, фигуристой блондинкой, с надменно-интеллигентными чертами лица. Терри предположил в ней зачатки интеллекта. А она в нем заинтересованного в них. На этом и сошлись.

– Ну что, как я тебе? – спросил Сэм, поправляя свою стильную бабочку в горошек от дорогой фирмы «Лютер». В ней он походил на тамаду, развлекающего пьяную публику на свадьбе. Но Терри из вежливости решил об этом промолчать.

– Ну, судя по данным о динамике обертонов твоего голоса, частичном расслаблении musculus superioris palpebrae и легкой ригидности biceps brachii и sternocle-птфу…

Сэм отмахнулся.

– …Sternocleidomastoideus, тебе и так не нужны мои оценки. Уверенности хоть отбавляй.

– Да что там эти бицепсы. Ты лучше половой бицепс свой проверь, готов ли он, – заржал Сэм.

– Как будто ты его у меня еще не проверил там за своими экранами, вуайерист ты недоделанный, – проворчал Терри. – Вот скажи мне хоть раз правду, зачем ты смотришь, как другие мастурбируют?

Сэм покосился на свой большой, вываливающийся за ремень живот.

– Чтобы хоть чужими глазами посмотреть, как это выглядит. Своими то, – он крякнул, хлопнув себя по животу, – уже давно не вижу.

Терри покачал головой, глядя, как Сэм заливается неприличным смехом.

– Ну а ты что, разве не занимаешься этим? – удивился Сэм. Терри уловил в его голосе предложение подыграть их новой дежурной шутке, которую они обсмеивали уже с неделю.

– Нет, я выше всего этого, – отрезал Терри. – Разумного человека такие вещи не интересуют.

– Разум – это, прежде всего, инструмент для обеспечения себе достойного места в мире низменных побуждений, – назидательно проговорил Сэм, а остаток фразы, они с Терри, давясь от смеха, уже закончили вместе, – а не способ от них отречься.

Суть была в том, что неделю назад в рекламный отдел поступил частный заказ от некого писателя. Он желал, чтобы какую-нибудь цитату из его книги «Субъект» искусственный интеллект Эмпатиора предлагал пользователям для некоторых диалоговых случаев, не забывая, конечно же, в конце фразы проговаривать вслух авторство и, тем самым, рекламируя ее создателя впечатленным слушателям.

Смысл в цитате, может и был, но Терри и Сэму она казалась вычурной, да и вообще сама ситуация смешила. Много чего кажется смешным, когда видишь систему без поверхностного шарма, такую, какая она есть, изнутри.

Так друзья, перешучиваясь, дошли до метро и разъехались, каждый на свое свидание.

2. Тупой искусственный интеллект

– Какое красивое место, – равнодушно бросила Эльба. Так звали блондинку. Терри привел ее в роскошный ресторан, так предложил ИИ, оценив ее юбку и строгую рубашку, осанку, характеристики черепа, соотношение скуловых костей и подбородка и амплитуду телодвижений. Сам Терри не высчитывал таких подробностей, но был отчасти солидарен с тем, что аристократичная внешность девушки заслуживала соответствующего.

На входе статуями замерли четыре вылизанных официанта, но ИИ предугадал приветствие одного из них еще до того, как тот начал поворачивать голову в сторону Терри.

– Добро пожаловать в Арафильо, достопочтенные дама и господин, какой столик желаете выбрать?

Эльба едва заметно пожала плечами, и Терри выбрал тот, что у окна.

– Пожалуйста, ознакомьтесь с меню, – официант галантно опустил на столик позолоченную брошюру, – прошу вас обратить внимание на фирменно… Ох, прошу прощения, подойду, как будете готовы…

Терри проводил официанта взглядом. Спорить с тем, что неудобных диалогов стало меньше, было глупо. Технология их предотвращала на корню. Но с тем, насколько стало больше пустых…

– Что думаешь о недавно состоявшемся футбольном матче хорватов со шведами? – с улыбкой спросила Эльба.

– Система говорит, что с вероятностью 75 % я являюсь фанатом футбола, да? – лениво спросил Терри.

Девушка ничуть не смутилась.

– Да.

– Так вот, это не так. Другое дело, зачем ты задаешь вопрос, ответ на который тебе все равно неинтересен?

Улыбка стерлась с ее лица и датчики эмпатиора Терри предупредили о вспышке раздражения, что неуловимо отразилась на лице Эльбы.

– Просто я хочу сказать, – поскорее добавил Терри, – что мы лучше узнаем друг друга, если начнем спрашивать, что действительно интересует, а не то, что предлагает этот примитивный ИИ.

– Ты прав, – проговорила Эльба. – Но я спросила не потому что мне интересно, а чтобы начать хоть какой-то диалог. Не подумал об этом?

ИИ порекомендовал Терри сделать лицо человека, признавшего свою ошибку, дабы обстановка разрядилась. Терри и так чисто машинально был готов это сделать, но мысль, что это будет выглядеть так, будто он послушался ИИ, его взбесила.

– Смотрела фильм «Криминальное чтиво»?

– Нет.

– Старенький такой фильм… Там была сцена, где героиня спрашивает, а зачем вообще начинать диалог ради диалога. Нет, я не к тому, что мы зря говорим…

– Знаешь, ты странный, – проговорила Эльба. Эмоции ее сейчас были непонятны. Эмпатиор противоречил самому себе, подначивая Терри продолжать, и в то же время предупреждая о возросшем неудовольствии собеседника.

– То есть, по-твоему, нам не надо говорить? Может, сразу в постель? – спросила Эльба.

ИИ без нужды предупредил Терри, что последний вопрос явно с подвохом.

– Зачем так утрировать?

– А почему нет? Без слов, как животные… Они ведь не умеют разговаривать, им и не нужно…

– Разве я не за тем пригласил тебя сюда, – осторожно спросил Терри, – чтобы показать, что ставлю тебя выше животных?

– Зачем? Хочешь сказать, тебе интересно все это? – девушка обвела взглядом кессонный куполообразный потолок ресторана, – тебе интересен только результат встречи, а все эти рестораны просто мишура. Такая же, как и темы для разговора, предлагаемые ИИ, чтобы все эти причесанные животные смогли снюхаться, прежде чем залезть друг на дружку.

Эмпатиор Терри определил коэффициент интеллекта сидящей напротив Эльбы, как высокий. Сам Терри немного растерялся, не ожидав настолько циничный

бросок камня в огород всего общества. ИИ с готовностью высветил на интерфейсе фразу.

– Себя ты к этим животным не относишь?

Эльба усмехнулась.

– Животное не разумеет происходящего с ним. А я разумею, поэтому способна себя контролировать.

ИИ среагировал на ее ответ фразой, высветившейся в интерфейсе зеленым цветом, что гарантировало ее крайнюю уместность. И над этой фразой Терри с Сэмом ржали буквально час назад. Витиеватость фразы для уровня интеллекта Эльбы оценивалась как предпочтительная. Глубоко вздохнув, Терри произнес:

– Разум – это, прежде всего, инструмент для обеспечения себе достойного места в мире низменных побуждений, а не способ от них отречься.

Девушка посмотрела на Терри долгим, оценивающим взглядом.

– Я тебе говорю про мишуру, а ты тут же распускаешь павлиний хвост и блещешь красноречием? Притом, вероятно, не своим.

Терри готов был провалиться сквозь землю. Будь проклят этот недоделанный философ с его чертовой рекламой. Хотя никто не дергал Терри толкать эту пафосную речь, он сам виноват. К ним манерно подплыл официант.

– Уже готовы огласить заказ? – приторным голосом поинтересовался он. Эльба поморщилась и, встав из-за стола, начала одеваться. У Терри округлились глаза.

– Уходишь?

– А ты остаешься?

Как выяснилось по пути в общепит, Эльбе не нравились рестораны и она предпочитала заведения попроще. Тут уже было несправедливым всю вину валить на ИИ, потому что такое противоречие облика и предпочтений с первого

взгляда и в самом деле казалось неразличимым.

– Ну а ты сам подумай, где мы познакомились? В ресторане или в баре? – резонно спрашивала Эльба.

Заказав себе по жирному бургеру и стаканчику санспри, они уселись за высокий столик посреди шумного помещения. Терри также обратил внимание, что в отличие от предшественниц, которые в течение всего свидания косили глазом вправо, любуясь на изображение себя, Эльба не отрывала своих надменных и требовательных голубых глаз от лица Терри.

Допив санспри и разговорившись, Эльба начала громко критиковать современное качество полуфабрикатов в бургерах. Терри все больше восхищался девушкой, тем, что у нее есть свои, настоящие мысли, которыми она охотно делилась. Их общение было живым.

Закончив обсуждать продуктовое мошенничество, Эльба неожиданно принялась жаловаться на коллегу по работе. Затем на возросшие цены на бензин (у Эльбы была своя машина). На свою мать, которой нечем было заняться и она придумывала предлоги, чтобы запрячь дочь, на своего бывшего, на то, как ей пришлось ему изменить, и снова на продукты, теперь уже на некачественное молоко от фирмы «Липидо». И если поначалу Терри заинтересованно внимал, пытаясь понять и, быть может, помочь каким-нибудь советом, то по мере осознания того, что его реплики тут вовсе не нужны, а нужно, чтобы он просто слушал весь этот словесный понос, который на него обрушили, ему становилось все сложнее скрыть негодование и усталость.

Но тут речь снова зашла о матери и в этот раз в голосе Эльбы послышались истерические нотки, грозящие перерасти в крик.

– Она сидит дома и ей нечем заняться, то мебель переставляет, то отделку стен хочет сменить, жалуется, что не справляется сама, и я плохая дочь, не хочу ей помогать, а я говорю ей, мам, у меня нет времени, я работаю, у меня личная жизнь, а она бросает трубку, а как с сестрой моей, так Люси ути-пуси, моя Люси, ей она никогда не предъявляет…

Эльба всхлипнула и с плачем рухнула на стол. Даже несмотря на шум в помещении, на них все равно начали поглядывать другие посетители. Терри не

знал, что делать, но ИИ настоятельно рекомендовал погладить по спине и произнести на выбор две утешающих реплики:

«Успокойся, я уверен, все будет в порядке»

«Как бы мать не относилась к своим детям, знай, что она их все равно любит»

Одну ободряющую:

«Все к лучшему»

И даже одну с рекламой:

«Мне кажется, и тебе и твоей матери нужно сходить к семейному психологу. Слышал, Элтон Марси из Тарамунт-клиникс в этом большой специалист»

По мнению Терри, все эти реплики были пустыми, и лично его бы они вогнали в еще большую депрессию. Так что он просто протянул ладонь и мягко коснулся ее спины.

– Что ты делаешь? – рыкнула Эльба, подскочив, как ужаленная, от его прикосновения. – Не надо меня трогать. Не надо жалеть… Я не просила.

Глядя на ее потекшую тушь и проявившиеся на лице звериные черты, Терри решил, что с него хватит. Быстро набросив куртку, он съехал со стула, но Эльба с неожиданной силой вцепилась в его пальцы.

– Стой…

Ее заплаканные глаза смотрели с жаром и мольбой, а ее ухоженные ноготки впились в кулак Терри сильнее.

– Ударь меня…

ИИ подтвердил, что просьба является искренней, а психологическое состояние собеседника – осмысленным.

– Ну, что ты? Не мужик что ли? – прошипела она, вгрызаясь ногтями в кулак Терри до крови.

– Отпусти руку, – процедил Терри и грубо выдернул руку, сломав ей пару ногтей. – На нас смотрят, больная ты сука…

Эльба охнула и прижала к губам пальцы с обломившимися ногтями. Глаза ее на какую-то секунду блаженно прикрылись. Терри стремительно пошел на выход, но Эльба нагнала его и потащила к своему припаркованному автомобилю. Сопротивление Терри было подавлено легко и сразу, как только его упирающуюся ладонь прижали прямо к крупной, упругой груди, скрывающейся под строгой рубашкой.

Захлопнув двери машин, Эльба нетерпеливо надбавила тонировку стекол до 80 % и присосалась ко рту Терри так, будто хотела высосать из него душу.

– Ударь меня! – вскричала Эльба, оторвавшись от его губ.

– Да пошла ты, – оторопело пробормотал Терри, пытаясь нащупать ручку на двери. Эльба влепила ему звонкую пощечину, отчего Терри на какую-то секунду потерял голову и тут же ответил ей прямым джебом. Костяшки пальцев врезались в нежную, аристократичную скулу. Эльба охнула, ее голова от удара мотнулась и с глухим стуком приложилась еще и об обшивку.

– Прости, – испуганно прошептал Терри. Но Эльба, дрожащей рукой потрогав уже начинающее краснеть место удара, часто задышала, а ее глаза томно закатились.

– Еще…

– Больная ты сука…

Она схватила себя за ворот рубашки. Пуговицы треснули, оголяя белоснежную, сочную грудь.

– Хочешь меня?

Терри еще ни разу не оказывался в подобных ситуациях. То, что происходило на периферии его интерфейса, сбивчивые советы и красные предупреждения, он уже несколько минут попросту не замечал. Глядя на тяжело дышащую, фигуристую девушку с оголенной грудью, чьи светлые вспотевшие пряди закрывали разбитое его кулаком лицо, Терри больше не мог мыслить рационально.

– Хочешь? Тогда бей!..

И Терри ударил. Ее голова мотнулась и ударилась о кресло. Держась за лицо, Эльба согнулась пополам и начала всхлипывать от боли. Жар пронесся по венам Терри. Что он делает?

Эльба тем временем уже ползла по его коленям и уткнулась заплаканным лицом в его оттопырившуюся ширинку. Действуя по наитию, Терри схватил ее за локоны и до скрипа кожи оттянул голову назад. Ее алый рот жадно хватал воздух. Засмотревшись, Терри сам стал тяжело дышать. Алчно потянувшиеся к ее рту пальцы заставил вздрогнуть звук сирены снаружи.

– Немедленно выйдите из машины с поднятыми руками!

Наряд предвосхитителей. Терри с Эльбой в один миг посерьезнели и забарахтались в тесном салоне машины, застегивая на себя одежду.

– Немедленно выйдите из машины! – настойчиво проревел голос в усилитель.

Терри вышел на подкашивающихся ногах первым и запрокинул руки за голову. Светя ему в лицо фонарем, подошел предвосхититель и грубо отдернул в сторону.

– Отойдите от машины пострадавшей.

– Что происходит? – прокричала Эльба вне себя от ярости.

– Мисс Эльба Моррено, в 23:07:32 и 23:08:44 по местному времени ваш Эмпатиор зарегистрировал идеомоторные сигналы другого пользователя, удовлетворяющие критериям из списка общеустановленных потенциально

опасных поведенческих паттернов по версии Эмпатиора 1.7, что были направлены по отношению к вам…

– Это не так, – задохнулась от возмущения Эльба. Терри, уже мысленно попрощавшийся с жизнью на свободе, взглянул на девушку с благодарностью, что она, втянувшая его в это неподдающееся объяснению дерьмо, хотя бы не пытается теперь выставить себя пострадавшей.

– В 23:08:50 и 23:09:21 по местному времени ваш Эмпатиор, – продолжал зачитывать с планшета предвосхититель, – зарегистрировал противоправные действия другого пользователя по отношению к вам…

– Это было по моей просьбе!

Предвосхититель поднял брови.

– В таком случае, мы должны убедиться, что на тот момент вы не пребывали в состоянии наркотического опьянения или под воздействием других веществ, изменяющих сознание, а также удостовериться, что вы не находитесь под психологическим давлением и не подвергаетесь шантажу, с целью оправдать противоправные действия по отношению к вам.

Эльба подошла к предвосхитителю вплотную, отбросив со лба прилипшую прядь. Под ее глазом уже созревал кровоподтек, из носа сочилась кровь.

– Вы лезете в частную жизнь, – раздельно процедила она сквозь зубы. Но предвосхититель остался невозмутимым.

– Вам и вашему обидчику нужно проехать с нами в участок для расследования. Для вашей же безопасности, лучше не оказывайте сопротивления.

?

– А потом еще эта дебильная цитата всплыла в разговоре, представляешь? Но ИИ счел, что с ней лучше быть витиеватым, вот я сдуру и процитировал.

– А она что?

– Это был провал, – покачал головой Терри. Сэм невесело рассмеялся.

– Ну и ночка выдалась, кто бы мог подумать… Что, прям врезал ей с кулака в лицо…

Терри кивнул.

– Это называется сексуальной девиацией, друг мой. Неспроста же она тебе жаловалась сначала то на мать, то на бывшего. Хотела, чтобы ты прям там ей врезал, – снова рассмеялся Сэм, смакуя подробности.

– Обидно, что приходится выбирать между искусственным интеллектом и интеллектом с отклонениями, – горько проговорил Терри. Просидев целую ночь в участке и, оправдываясь перед группой предвосхитителей, он не один раз успел проклясть технологию Эмпатиор. В который раз он убеждался, что ИИ не по зубам многогранная человеческая сущность. А им они зажимали ее в рамки.

Бармен поставил еще по кружке пива.

– А у тебя что, тоже не задалось? – спросил Терри, хлебнув из бокала. – Вижу, что нет, иначе бы уже вовсю рассказывал…

Сэм помрачнел. Видеть его таким было непривычно.

– В общем, мы сразу пошли к ней фильм смотреть. А как начали, она то по телефону отойдет поговорить, то в ванну, то еще какие-то срочные дела на кухне. Притом одно за другим. Возвращается ко мне и тут же снова ей надо отлучиться. Как специально. И так всю ночь.

– Так и в чем же было дело?

– Как выяснилось позже, – вздохнул Сэм, – ее ИИ, на основе анализа моей комплекции и напряжения брюшных мышц, шеи и еще чего-то там, утверждал, что я страдаю от метеоризма. Поэтому она оставляла меня одного, в надежде, что я… приведу себя в порядок…

Терри согнулся пополам от смеха.

– Нет, ну ты слышал, – негодовал Сэм. – А ведь это уже дискриминация какая-то со стороны ИИ! То есть если я жирный, то значит у меня перманентный метеоризм, да?!

Не выдержав, он все-таки тоже фыркнул в свой бокал. На круглом лице уже блуждала легкомысленная улыбка.

– В общем, испортил мне Эмпатиор свидание. А так бы такая ночка вышла, такая, ух-х…

Товарищи по несчастью чокнулись бокалами. Опустошив свой залпом, Сэм жахнул им по стойке.

– У-у, кажется, мне надо в уборную.

Оставшись один, Терри мелкими глотками допил пиво и принялся скучающим взглядом изучать посетителей.

Эмпатиор. Усилитель эмпатии. Устройство помогало адаптироваться под другого человека. Угадывать его ожидания, опережать его вопросы, улавливать его настроение. Подстраиваться под него. Но как можно подстроиться под то, что само под тебя подстраивается?

Вот, скажем, Терри решил заговорить с этой девчонкой, на другом конце стойки, она щебетала с каким-то парнем, но ее глаза задорно бегали, то и дело замирая на одиноко сидящем Терри. Они бы были друг другу интересны, поэтому система Терри начала бы предполагать ожидания этой девчонки, чтобы поскорее наладить с ней контакт. Но ведь ее ожидания точно так же начали бы выстраиваться в соответствии с предположениями уже об ожиданиях Терри, чтобы подстроиться под него. Получался какой-то пинг-понг. А мячик был клубком предположений, в котором нет правды. Как в зеркалах, что наставлены друг на друга…

Окосевшими глазами Терри смотрел куда-то перед собой, утопая в этих философских думах. ИИ подмигивал где-то на периферии, утверждая, что на

Терри кто-то пристально смотрит. Он медленно повернул голову.

Рядом с Терри сидел мужчина, яппи. Деловой костюм, ухоженная прическа, потерянный вид. Он крутил в пальцах стопку с недопитым виски, и с непонятным выражением смотрел на Терри. С каким-то вызовом.

Хмуро разглядывая его в ответ, Терри только сейчас заметил, как ИИ предупреждает, что перед ним не пользователь.

– Что, думаешь, сейчас подорву бомбу? – со смешком произнес мужчина, заметив, как испуганно вытянулось лицо Терри.

– Ничего я не думаю, – нервно ответил Терри и отвернулся. Сам же распалено размышлял, как ему поскорее унести ноги. Стоит ли предупреждать остальных. Сэм еще был в туалете.

– Значит, вот как это работает, – негромко продолжал мужчина. – Стоило мне только снять линзы, как я сразу террорист…

Терри уловил его движение руки и быстро развернулся. Мужчина держал в руке стопку с недопитым виски, а на дне бултыхалось что-то маленькое и прозрачное. Присмотревшись, он понял, что это были линзы Эмпатиор.

– Зачем ты их снял? – напряженно спросил Терри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/no_andrey/nezavidnye-istorii

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити